

**«МАЯТНИК ИСТОРИЧЕСКОГО ВНЕВРЕМЕНИЯ»
В. М. МИСЮГИНА**

Предлагаемая вниманию читателей работа с общим названием «Три брата» является, своего рода, эпитафией творческому пути Вячеслава Михайловича Мисюгина — не слишком известного, но от этого не менее выдающегося исследователя истоков современной культуры Человечества. В том узком кругу, в котором жил и общался В.М. Мисюгин, в котором рождались и «обкатывались», внедрялись, сорождались и просто зарождались в сформулированном виде его идеи, он считался африканистом...

Считал ли себя «африканистом» сам В.М. Мисюгин, вряд ли можно говорить с уверенностью. Во всяком случае, несмотря на многие годы ученичества у него, творческого взаимодействия в рамках сектора Африки Ленинградской части Института этнографии АН СССР (ныне — МАЭ РАН), неоднократного неформального и доверительного общения с ним в последний период его жизни, когда, вольно или невольно, подводились итоги — с осознанием, что каждая встреча уже может быть последней, я скорее усомнюсь в его самоопределении, самопозиционировании в системе науки как «африканиста». Да, преподавал он на кафедре африканистики Восточного факультета ЛГУ. Да, круг его общения состоял из сотрудников сектора Африки ИЭ АН СССР, руководимого Д.А. Ольдерогге. Да, непосредственной сферой интересов его выступала Восточная Африка. Но искал он большее! Он пытался осмыслить основные формы, стратегии поведения людей в условиях первобытности, их обществ, живущих в системе Природы, всех обществ Архаики — со всеми теми закономерностями организации жизни и самого общества, которые порождаются фактом существования в Природе. Его интересовали общие основы перехода к Цивилизации как всечеловеческой универсалии, — но и как способа адаптации, а равно — и формы отклонения от природного императива. При видимой необратимости состоявшейся бифуркации, он искал ее исток, видя в нем, скорее, «сбой» логики исторического процесса, чем достойное восторгов «раскрепощение» рода человеческого и переход его на пути последователь-

ного «прогресса», бесконечного восхождения. Хотя, конечно, все это — лишь толкования. И толкования вполне субъективные. Здесь лучше обратиться к его собственным текстам, а главное — к их духу, к общему направлению мысли и ценностных установок. Во всяком случае, нельзя не вспомнить, что сам о себе он говорил как о потомке североамериканских индейцев. Их ценностной и поведенческой системе он стремился соответствовать в быту и в неформальной обстановке. Да, впрочем, и профессионально он, в первую очередь, хотел заниматься индейцами, утверждая, что только обстоятельства привели его на Восточный факультет, предопределив его специализацию по языку суахили и по проблемам становления культур, хозяйственных связей и государственных структур на восточном побережье африканского континента. Может быть, именно поэтому индейская тема занимает такое место в его творческих поисках. Хотя, конечно, было бы абсолютно ошибочным игнорировать роль материалов по североамериканским индейцам в становлении мировой этнографической науки, в изучении архаических обществ. Это тесно связано с задачами понимания перехода от первобытности к государству, к классовому обществу и к капиталистической системе. Интерес этот, в связи с указанными проблемами, пробудился благодаря работам Л. Г. Моргана, а также влиянию его взглядов на Ф. Энгельса, и далее — на всю марксистскую и, в частности, советскую науку.

Впрочем, В.М. Мисюгин относится к той категории людей, о которых мало что можно говорить в дискретном измерении. Уже более десяти лет как его не стало. Но, как это ни может показаться странным, в сознании его коллег, почитателей и учеников он никуда не ушел. И даже, более того, несмотря на то, что видевших и помнящих его в жизни становится все меньше и меньше, актуальность говорившегося им — и значительно реже писавшегося — оказывается все более и более очевидной... Ведь он, еще будучи доступен в этом, данном смертном измерении Бытия, удалился, оставаясь. А многие слова, произнесенные им, уже потеряв свою фонетическую определенность, продолжают действовать, побуждать к поиску и осмыслению. «О! Вижу взгляд бледнолицего!» И стыд за поверхностное, формальное, необоснованно спроецированное на изучаемую реальность европоцентричное суждение переполняет и побуждает вернуться к прямому восприятию «объекта» в его самоценности и самозаданности.

Тем, кто знал В.М. Мисюгина, нет нужды мистифицировать или мифологизировать эту фигуру. Он и сам выглядел человеком ниоткуда... Ибо для органично включенных в современное общество и соответствующих именно этому обществу обывателей он казался, как минимум, «странным». А «странным» — значит, «чужим», посланцем «чужбины», «чуди», «страны чудес», вымысла, сказки, страны, которой и нет вовсе. Обывателю

так — спокойнее. Нет нужды напрягаться и осмыслять. Вычеркнул из действительного и живи по-прежнему.

С детства в сознание любого ребенка попадает клише сказочной ино-реальности: «пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что!». Для многих на всю жизнь это остается только парадоксом, некоторым логически выверенным художественным приемом, образом, идеей абсурда. Но В.М. Мисюгин с, казалось бы, детской наивностью, граничащей с неадекватностью, всю свою видимую нам бытийность провел в двух противопоставляемых нами мирах. Это — мир людей, мир Цивилизации, мир пространственно-временных и детерминистских конструкций и конструктов. Но равно с этим он пребывал и в мире инореальности, где нет даже пластов времени, где и времени самого нет, а есть только слегка угадывающееся по направленности, по улавливаемой повторяемости движение людей, идей, вещей, инвариантов связей и отношений.

В.М. Мисюгин оказался «человеком на стыке времен и цивилизаций», о положении которого в «подлинном кошмаре» страстно писал Г. Гессе в романе «Степной волк». Все несоответствие эмоциональных оценок такого «порогового», «стыкового» состояния Г. Гессе и В.М. Мисюгина заключается лишь в том, что, не любя нашу Цивилизацию за извращенность природных основ и побуждений Жизни, В.М. Мисюгин обладал, в отличие от героя Г. Гессе, целостным видением Мира и внутренней гармонией. Эти, столь важные для любого человека свойства, оказались унаследованными В.М. от родителей, выходцев из деревни Тверской губернии, от легендарной «бабки», вывезенной дедом с Аляски. В. М. осознал их, сохранил, подтвердил и преумножил в ходе скитаний в одиночку в уральской тайге, также как и практикой рукоделия в создании материальных условий элементарного жизнеобеспечения в полусельской местности пригорода Ленинграда Мартышкино. Можно сказать, что Цивилизация не слишком охотно принимала В.М. Мисюгина, да и он находил формы существования, не требовавшие больших компромиссов с этой самой Цивилизацией. Он еще в юности «слепил» вокруг себя эту специфическую нишу Бытия, которую можно определить как мифо-ритуальное пространство и, несмотря на его, казалось бы, очевидную природу эмоционально-интеллектуального конструкта, сумел превратить этот «конструкт» в реальное пространство собственной жизни. Каково было сопричастным к нему лично существовать и сосуществовать бок о бок с ним в этом пространстве, вряд ли следует комментировать. Скорее всего, для них это и был мир противоречий героя Г. Гессе Гальдера. Ибо отсутствие внутренней целостности и есть истинная драма. Сам же В.М. Мисюгин более напоминал глыбу, монолит.

Главное, что следует отметить, обращаясь к читателю с краткими замечаниями, предваряющими эту книгу, — это то, что вся жизнь В.М. Мисюгина была подчинена мифу об органичном и гармоничном мире Архаики.

Это — прочувствованная, проверенная на собственном жизненном опыте, на основе знакомства с огромным объемом исторической и этнографической литературы, проникнутая верой и убеждением в неприменности торжества справедливости и гармонии система представлений о «золотом веке» Первобытности. Это досада по поводу утраченной в движении к Цивилизации и «прогрессу» внутренней целостности и той самой «непорочности», о которой с грустью и сожалением говорил и Г. Гессе применительно к своему воплотившему дух эпохи перемен персонажу. И это не было ни переосмыслением взглядов Ж.-Ж. Руссо и всего менталитета эпохи Просвещения, приведшего в итоге новым формам насилия и отдаления от Естества, ни кабинетным любомудрствованием на основе учености и благих порывов.

В.М. Мисюгин сам строил, лепил, интеллектуально воспроизводил эту идею о целостном мире «людей в Природе», сам ставил себя, осознанно или нет, в зависимость от этого образа, передавал это ощущение, соответствующий ему образ, этот конструкт ума и веры всем, кто проникался доверием к истинности предвосхищенной, вынашиваемой и несомой им идее.

Он пришел в мир городской культуры, в мир Цивилизации как чужой, как человек, вынужденный выучивать правила поведения в этом мире и, в какой-то степени, следовать им. Но в том мире, из которого он пришел, в мире, связанном своей пуповиной с Природой, в русской «глубинке» тогда еще Тверской губернии был свой гармоничный порядок следования жизненному пути — естественный, ибо соответствующий Естеству, Природе. Этот порядок, идущий изнутри, интуитивно, подобно реализации инстинктивного поведения и реакции на изменения вокруг, на импульсы, воспринимаемые от этого большого и — не столько понятного, сколько адекватно ощущаемого многообразия Жизни, оказался основой нравственной позиции В.М. Мисюгина, стержнем организации и его мышления, и его поведения в этом мире. Казалось бы, этот мир выступал общим для всех современников, но образы и пути движения в нем оказывались столь очевидно различными.

Можно придти к умозаключению, что его путь проходил в другом измерении Жизни, если не вообще к тому, что он существовал в параллельном мире, пересечение с которым — и то лишь по Н.И. Лобачевскому, — возможно лишь в Бесконечности. И он оставался в этом измерении Жизни, как мог, — всю свою жизнь. Он только посещал Цивилизацию, навещался в нее. Это было необходимостью, условием выполнения несомого им долга — долга передачи своего миропонимания, мироощущения другим: студентам, ученикам, всем, кто готов был слушать, понять его, принять это видение и следовать ему. Иначе, зачем надо было приезжать из Мартышкино, где он построил и обустроил свой Дом, в Ленинград! Ведь никого и ничего, кроме детей Цивилизации и порожденных ею институций обучения,

в этом мегаполисе не было. Ничто, кроме книг и музейных коллекций, не открывало дорогу к пониманию, осмыслению вневремени — этого естественного и в то же время невероятного движения в потоке Жизни без признаков невозвратности, без видимых признаков иной направленности движения, кроме естественного круговорота самой Жизни. А несение этого «света», озарения Истиной он воспринимал как свой личный долг. Впрочем, по-природному, по-крестьянски он предпочитал не биться головой об стену непонимания, исходя из принципа «имеющий уши да услышит». Это — особый, практичный и экономный «прозелитизм», сберегающий силы для собственного движения. Это — мудрость глубокого Знания, понимания и ощущения Жизни. Оно не допускает суеты, избыточных эмоций, оно не ищет яростного упоения полемикой, этого спортивного азарта победы и видимого торжества своего «Я».

И еще В.М. Мисюгина побуждало наведываться в Цивилизацию профессиональное общение — общение с коллегами. И оно выступало как все то же несение Света, как долг поддержания Истины. Было необходимо обмениваться идеями, расширять горизонты и глубины собственного видения и понимания, получать подтверждение и уточнение своих взглядов, открывать глаза коллег, зашоренные стереотипическими образами, моделями, клише, не имеющими под собой никакой иной основы Жизни, кроме истории самой науки, истории Цивилизации, условностей ее ценностей и способов восприятия действительности.

Потом он перестал «ходить в Цивилизацию». В начале 1990-х в обществе наступила полоса корыстных, алчных, сиюминутных страстей и амбиций. Он почувствовал себя лишним в этой всеобщей суетности. Он знал, что придет день востребованности. И, возможно, самого его уже не будет. Но осознанное им — истинно. А, раз так, то кто-то неминуемо придет к тому же образу Мира. А что ссылок на него, известного нам как В.М. Мисюгин, может и не быть, его не страшило. Ибо осознанное и произнесенное им когда-то, где-то, кем-то будет подхвачено и вернется к людям. Ради продолжения этого всеобщего круговорота Жизни. У него выработалось другое видение своего «Я» и своей предназначенности. Это органичное отрицание эгоцентризма, индивидуализма людей Цивилизации, сопряженное с иным видением смысла и назначения Жизни, жизни отдельной особи рода человеческого. Это — гармонично «нивелированная» личность, целью которой является служение, идеальная детерминация поступков, подобно морально-этическому кредо монашества. Это — призванность в качестве «поэта-воина».

Можно написать даты его прихода в Мир и ухода из него, но и они весьма мало что скажут читателю, чуть более способному соприкоснуться с неизведанным и благоговеть от этого прикосновения, чем жесткий рационализм нашей культуры и, уж тем более, науки предполагает в обычном

члене нашего общества — представителе, казалось бы, неоспоримой по своим достоинствам и достижениям Цивилизации.

Так вот, обычному читателю, открывающему эту книгу, надо изначально еще и еще раз, последовательно и настойчиво указать на то, что В. М. Мисюгин в весьма малой степени был носителем, представителем этой самой «Цивилизации». Он задумался об этом сам, он осознал это и признал это в себе как руководство в осмыслении Мира и Бытия в нем. Поэтому так необычны все его произведения. И тому, кто привык к жесткой дискретности и категориальности текста, признаваемого научным, будет не так-то просто вчитаться, вдуматься, вжиться в логику его рассуждений. Даже обороты его речи превышают по протяженности жесткие и логические выверенные тексты, относимые к научному дискурсу.

В.М. Мисюгин — не просто ученый, этнограф, социальный или культурный антрополог. В общем, можно сказать, что он — и не философ. Ибо он не размышляет по поводу Жизни. Он, скорее, идеолог, мыслитель. Он повествует о том, каков мир Архаики, и как, через известные нам документы и свидетельства этого мира, можно приблизиться к адекватному восприятию его образа, — его, этого мира, рациональности, закономерности, «разумности». Наверное, правильно было бы сказать, что сила его личности особенно проявлялась в живом, непосредственном общении. А опубликованные или оставшиеся в рукописях тексты В.М. Мисюгина могут попросту остаться непонятыми, подобно сложному посланию, к которому нет ключа, но возможны только его толкования. Его наследие могло бы кануть в бездне неизвестности. А толкование его идей, в лучшем случае, могло бы стать лишь поводом для трансляции собственных рассуждений толкователей. И вряд ли это будет преувеличением. Потому что, раз уж интерес к его фигуре, к его взглядам на Мир получает подтверждение, необходимо, пока не поздно, обозначить аутентичный контекст и его творчества, и его самого как человека — человека определенной эпохи, определенного круга актуальных и предвосхищаемых проблем.

Вот для чего нужны эти Предисловия к его книге, собранной и оформленной В.М. Мисюгиным незадолго до ухода навсегда из видимого нами мира. Для него и живших одновременно с ним это был мир многолюдия университетских коридоров дворца Петра Второго, мир охваченного клубами сигаретного дыма подоконника в пространстве первого этажа Кунсткамеры с видом на Дворцовый мост, мир уже несуществующего кафетерия столовой Академии наук, превратившейся в место трапез и деловых переговоров сильных мира сего. Именно свидетельства не сторонних и чуждых по духу очевидцев, а тех немногих уже, кто был причастен к нему, кто испытал и осознал эту интеллектуальную и эмоциональную силу не столько рациональной, категориальной, сколько образной аргументации, убедительности, достоверности взглядов В. М. Мисюгина, необходимы для со-

здания абриса движения читателя по тексту этой книги. Именно поэтому таких предисловий — три. Одно написано самим В.М. Это «сгусток», квинтэссенция рассматриваемого в книге материала. Второе, — принадлежащее Н.М. Гиренко, ученику и главному, без преувеличения, научному оппоненту и в чем-то «догматизатора» взглядов В.М. Мисюгина, делает акцент на рассмотрение конкретных концепций, моделей, принципов эволюции структур Первобытности и их перехода в фазу Цивилизации. Следуя тем же побуждениям, что и Учитель, Н. М. Гиренко видел одной из своих задач необходимость согласовать эти взгляды с традициями науки, придать им категориальную завершенность, доказательность, с позиции научного дискурса. Третье Предисловие — обращает большее внимание на личность и мировоззренческую составляющую феномена В.М. Мисюгина, на его концепцию Истории и, в какой-то степени, на прогностическую сторону его взглядов, своеобразное «этическое учение» — как руководство по «проектированию» Будущего и по реализации этого проекта, т. е. того, что нередко называют теперь «будущетворением».

Я убежден, что сегодня, в начале XXI-го века, в условиях развернувшегося мирового экономического кризиса и ставшей очевидной необходимостью новых моделей и образов Будущего, «неклассичность» подходов В. М. Мисюгина должна привлечь к себе общественное внимание. Вопреки точке зрения ортодоксальной, позитивистской в своей основе научной традиции, она не выступает более ни проявлением «маргинальности», ни, в еще меньшей степени, «дилетантизма», как это любят определять «догматики» при отсутствии иных аргументов, кроме ссылок на «авторитеты». Его взгляды приобретают исключительный интерес и ценность в качестве концептуальной перспективы общественно-научного знания, в качестве подступа к новой целостной мировоззренческой системе. На смену постмодернистскому состоянию Цивилизации и потере целостной картины Мира, кризиса методологии и идеальной мотивации исследовательского поиска должно придти новое видение, новая мотивация. Они не должны быть прагматичными и жестко рациональными, в отличие от тех форм, что завели науку и общество в тупиковую фазу. При выраженной эмпирической доминанте в исследовательском пространстве науки — без ясных ориентиров и с устаревшим способом видения, с терминологическими спорами, не выходящими за рамки схоластики, с массовым увлечением новыми терминологическими предложениями, а, по сути, созданием «научных брэндов» мало-мальски концептуально мыслящими учеными — такая наука мертва. И именно в связи со вновь открывшимися задачами — задачами выживания Человечества картина архаического прошлого В. М. Мисюгина выступает своеобразным прорывом в будущее. Это — идеология новых способов и форм понимания действительности, поведения в ней.

И то, что взгляды В. М. Мисюгина сформировались в основном более полувека тому назад, что выступают они продолжением отечественной интеллектуальной традиции, глубинно связанной и с архаическим субстратом русской культуры, и с традициями православия, и с философской традицией «русского космизма», и с отечественной (российской и советской) версией марксизма, — марксизма специфического, проникнутого идеями целостности и всесвязности Бытия — все это тем более ценно, потому что свидетельствует о продуманности, «выношенности» концепций автора. Необходимо говорить о совершенно очевидной «неконъюнктурности» творчества В. М. Мисюгина. Он не ждал благодарности, он не рассчитывал на знаки публичного признания. Ему достаточно было приближаться к Истине, видеть, как к ней приближаются другие, помогать им в этом движении.

Он сеял, но, пожалуй, не взращивал. В этом, наверное, сказывался все тот же фундаментальный принцип В. М. — полагаться на Природу, следовать ей, исходить из того, что она сама расставит все по местам, что то, чему суждено вырасти, возрастет и само. Поливать же, холить и лелеять посев — это поощрять иждивенчество, избалованность, короче, подрывать природный иммунитет и способность существовать во внетепличных условиях. Но при этом он никогда не был равнодушен ни к своему делу, ни к людям, потянувшимся к нему, в первую очередь, в связи с этим делом. Он очень болезненно воспринимал, когда ученики, проявившие интерес и готовность служить поиску Истины, внезапно переключались на поиски благ земных, на построение административной, да даже — и научной карьеры, если она не подкреплялась движением к этой самой Истине, пусть и не совсем такой, какую она виделась ему самому.

* * *

Однако следует обратиться непосредственно к самой книге и, прежде всего, к контексту ее возникновения. Как уже было сказано, это — труд почти всей жизни В.М. Мисюгина. На подступах к нему он подготовил концептуально и экспериментально большое по объему и исключительное по глубине исследование о мореплавании и торговле вдоль восточного побережья Африки. Он изучал источники, составлял чертежи кораблей, строил их модели и аналоги, ходил под парусом по звездам и т.п. Он рассматривал и номенклатуру товаров, и направление грузопотоков, и изменение масштаба цен в процессе перемещения людей, продуктов, товаров, других ценностей как собственно на побережье Африки и в приафриканском пространстве акватории океана, так и в связи с миром Аравийского полуострова, всего бассейна Индийского океана — от Африки до Зондских островов и Австралии. Но главным было последовательное рассмотрение

взаимодействия относительно развитых обществ классического Востока в пределах региона и их близкой к Первобытности периферии на африканском континенте — проблема взаимодействия архаических обществ с обществами, преодолевшими порог Цивилизации. Его интересовали внутренние и внешние «пружины» общественной динамики, конкретные формы отхода от Первобытности, трансформации архаических форм культуры и организации общества на переходе к цивилизационному состоянию. А это требовало не только углубленного освоения многих теоретических материалов, конкретики сведений по изучаемому региону, но и переосмысления метода исследования, критики принятого категориального аппарата, в первую очередь, из-за его неадекватности накапливаемому и систематизируемому в процессе работы материалу. И таковым аппаратом оказывались практически все унаследованные от истоков этнографии, от Г.Л. Моргана, Э. Тэйлора, от Ф. Энгельса, а также и от их отечественных и зарубежных последователей базовые для рассмотрения архаических обществ понятия: «род», «племя», «община». Следом за ними шло критическое переосмысление систем родства и систем родственных отношений, правовых отношений и самого явления права как общественной нормы регулирования связей и поведения между людьми, в их индивидуальных или групповых проявлениях.

К сожалению, эта значительная и весьма объемная работа В.М. Мисюгина, превышающая полтысячи страниц, не считая десятков схем, рисунков, чертежей, не увидела свет, да и следы ее, увы, затерялись. Одна из более частных ее сторон была защищена В.М. в конце 1960-х гг., да и то — по настоянию коллег, в качестве кандидатской диссертации. Сам В.М. к организационной «предприимчивости» в науке относился сдержанно, сторонился ее. Во время защиты диссертации был поднят вопрос о присуждении автору, по результатам этой работы, степени доктора наук. Но инерция стереотипов академической науки не привела к этому, крайне редкому, решению.

Тем не менее огромный переработанный и систематизированный материал, послуживший основой для той первой большой работы, не пропал впустую. И в качестве производных от него возникли статьи, может быть, не слишком большие по числу, но исключительные по концептуальному потенциалу, по преимущественно имплицитному присутствию в них новой большой и, можно даже сказать, фундаментальной концепции всемирной истории Первобытности. Хотя, возможно, таковая и не была достаточно четко сформулирована и переведена в категориальную форму, соответствующую эксплицитному методу исследования динамических общественных систем. Но здесь вряд ли уместны претензии, поскольку эта серия статей выступала естественным этапом формирования самой исторической концепции. И требовать от ее автора сразу и все абсолютно неправомерно.

Кстати, многие дискуссии между В.М. Мисюгиным и Н.М. Гиренко как раз и были выражением повышенной требовательности Ученика к Учителю, повышенной склонности Н.М. Гиренко к жесткости, дискретности рассуждений, к формально очевидной доказательности. Думаю, что это достаточно отчетливо можно проследить на примере его Предисловия к этому изданию «От событийной истории к истории структур». Увы, но его уже об этом не спросишь, т.к. Н.М. Гиренко, хоть и успел написать свой «путеводитель» по книге Учителя, сам оказался насильно исторгнутым из мира живых в июне 2004 г.

Идея издания отдельной книгой упомянутой серии статей по важнейшим аспектам перехода от Первобытности к Цивилизации возникла задолго до кончины самого В.М. Мисюгина. Даже название «Три брата» в качестве опознавательного знака этого возможного издания фигурировало в кругу ближайших коллег еще в конце 1970-х начале 1980-х годов. Но тогда замысел не заладил по ряду причин. В те годы существовала проблема «листажа», т.е. нормированного распределения издательских объемов по учреждениям, так что вся ЛЧ ИЭ АН СССР была ограничена возможностью издания 2-3 монографий в год. Невелик был по возможностям и издательский план Восточного факультета ЛГУ. Формальный статус В. М. как преподавателя университета позволял лишь участие в коллективных изданиях института. А для Восточного факультета работа оказывалась «непрофильной». Да и в коллективе ближайших коллег того времени, о котором несколько слов будет еще сказано впереди, сложилась, на мой взгляд, не вполне правильная практика избыточной критичности к работам друг друга. Так, при формальных и неформальных обсуждениях принято было чаще указывать на «недостатки», каковыми нередко виделись идеи, не вписывавшиеся в стереотипные концепции исторической и этнографической наук. Скажем, для таких коллег В. М. Мисюгина, как О. С. Томановская и Ю. К. Поплинский, его взгляды слишком противоречили базовой университетской «исторической культуре», излишне смело, а то и вольно, трактовали известные и, казалось бы, хорошо изученные процессы и события. Другие, особенно Н. М. Гиренко, даже следуя тематической и концептуальной логике В. М., упрекали его в избыточной образности видения, недостаточности формулировок или просто имели другие взгляды на те же проблемы.

В. М. Мисюгин в своей ленинградской африканистической среде — а только здесь он и жил профессионально — почти для всех выступал в качестве Учителя. Второго по статусу после Д. А. Ольдерогге, но и наиболее близкого для большинства как бывший университетский преподаватель, как мудрый, доступный и открытый собеседник, советчик, критик. Может быть, этим «возрастным», по месту и опыту в науке, стремлением «преодолеть Учителя в себе» и были мотивированы многие, порой даже

болезненные дискуссии в составлявшем его круг общения творческом коллективе. Этот коллектив сложился преимущественно на базе сектора Африки в 1960–1980 гг. вокруг Д. А. Ольдерогге, В. М. Мисюгина, Н.М. Гиренко. В конце 1990-х гг. я предложил именовать этот творческий коллектив «Ленинградской школой африканистики», сохраняя убеждение о концептуальной близости его участников и об эффективности их научного взаимодействия, стимулировавшего работу и профессиональный рост каждого из его участников. Во многом от согласованной или имплицитно совпадающей позиции членов этого коллектива зависела научная судьба и самих его участников, и судьба их научных произведений.

Возможно, первой в «очереди» на публикацию среди неопубликованных работ В.М. стояла его небольшая по объему книга под общим названием «О вещах и о представлениях», которой предназначалась роль учебного пособия по курсу «История Африки», читавшемуся В. М. Мисюгиным студентам III курса кафедры африканистики Восточного факультета ЛГУ. И хотя, собственно говоря, это не был учебный курс как таковой, однако он мог фигурировать в этом качестве в издательских планах ЛГУ. Но ни в 1980-е гг., ни после распада СССР этот проект, уже доведенный до передачи в типографию, не состоялся. И только весной 1998 года, при содействии Н. М. Гиренко и при участии А. А. Маслова, тогда студента кафедры африканистики, мне удалось довести издание до завершения. С не очень охотного согласия В. М. Мисюгина книга получила основное название «Становление Цивилизации». Авторское название было сохранено, но только в качестве вспомогательного. Мотивация была простой и, в то же время, прагматичной. Во-первых, исходное название мало что говорило потенциальному читателю. В нем не было тех очевидных понятий, к которым имелась возможность привязать какие-то конкретные ассоциации. Во-вторых, в интеллектуальном обороте читающей публики, увлеченной к тому же ранее недоступной западной философской литературой, появилась в русском переводе книга М. Фуко с очень похожим названием «Слова и вещи». В.М. согласился, так же как и согласился он с членением книги по условным главам, в некоторой мере выделенным мною в сплошном повествовании автора в соответствии с принципом, близким «герменевтическому». Действительно, осознанно или неосознанно для самого В. М., текст последовательно ориентировался на хорошо известные в натурфилософии первоосновы физического мира, дополненные феноменом человеческого бытия: «огонь», «земля», «вода», «люди», «культуры».. После некоторых возражений и обмена мнениями он принял и использование иллюстраций, заимствованных из прорисовок папирусов Древнего Египта, согласившись, без видимого восторга, с тем, что речь идет не более чем о зрительной аналогии, о какой-то относительно понятной и привычной для широкого читателя образной системе. Не думаю, что с моей стороны

как редактора это было «насилие» над автором. Но историческая достоверность требует, чтобы эти обстоятельства были упомянуты. Мною двигало стремление облегчить возможным читателям понимаемость работы В. М., создать предпосылку своеобразного резонанса с автором, учитывая его весьма непривычную для нашей системы образования манеру мыслить и излагать свои идеи в письменной форме.

Действительно, надо признать, что авторский стиль В. М. Мисюгина, как правило, нуждается в своего рода «научном переводе»: с русского на русский. Хорошо помню своих одноклассников по обучению на кафедре в 1967–1969 гг., когда В. М. читал нам курс истории Африки. После лекций, которые они старательно конспектировали, следовали возмущенные реплики, что они ничего не поняли из сказанного. Виновником, конечно же, определялся преподаватель, который не смог доходчивым языком «донести» материал до студентов. Я же, имея некоторую внеуниверситетскую историческую школу, решительно не соглашался прямо на лекциях с позицией В.М. Уж слишком радикально, а порой и с видимой поверхностностью, и, может быть, даже с «романтическим дилетантизмом», отличалась она от школьного и вузовского канона. Теперь я понимаю, насколько сложнее переучивать, чем учить заново! А тогда мне бросалась в глаза лишь «внесистемность» по отношению к этому канону рассуждений Учителя. Надо было увидеть основы его системы видения. Но для этого требовался не «школьный», а реальный профессионализм.

Сейчас, когда в руках читателя — книга «Три брата», наконец увидевшая свет, надо подчеркнуть, что и она есть некое производное, некий «дериват» авторского текста, некоторая адаптация его к возможностям восприятия более широкой публикой, чем круг участников «Ленинградской школы африканистики». Эта книга, врученная мне в виде рукописи В. М. Мисюгиным 22 июля 1998 г. в Мартышкине, за два месяца до его кончины, уже совсем по другим причинам пролежала десять лет в ожидании своей публикации. Лично я возражал, еще в 1999–2000 гг., против разбивки авторских фраз и снятия мнимых повторов на протяжении всей рукописи. Мне казалось, что В. М. имеет право на сохранение и своего стиля и на возврат к одним и тем же идеям в корпусе книги, особенно если принять во внимание, что это — свод его преимущественно уже состоявшихся публикаций в серии «Africana. Африканский этнографический сборник» разных лет. Посмертно вторгаться в авторский текст неэтично, каковы бы ни были мотивы. Рукопись была вручена для последующей жизни как готовая.

Лично я не считал себя вправе распорядиться судьбой рукописи по своему собственному усмотрению. На мой взгляд, все причастные к деятельности «Ленинградской школы африканистики» имели возможность высказать свое мнение по этому поводу и совместно определить будущее книги. Однако положение дел в «цехе», к которому около полувека прина-

длежал В. М. Мисюгин, резко изменилось после почти одновременного ухода из жизни Н. М. Гиренко, Ю. К. Поплинского, С. Б. Чернецова, А. А. Жукова. Сейчас можно утверждать завершение эпохи в нашей африканистике, так или иначе связанной с главным по поколению ядром «Ленинградской школы». И так получилось, что моральные обязательства по поводу научного будущего архива, доверенные самим В. М. Мисюгиным и подтвержденные его наследниками, оказываются у меня и в руках В. Ф. Выдрина. Вот почему, принимая во внимание невозможность откладывать далее публикацию книги «Три брата», я соглашаюсь на ее нынешнюю редакцию, осуществленную В. Ф. Выдриным. При этом я сохраняю прежнюю убежденность в необходимости в дальнейшем переиздать эту книгу с максимальной степенью соответствия документу, полученному мною в виде рукописи книги 22 июля 1998 г. непосредственно от автора.

Такова частичная предыстория книги «Три брата» — не столько ее замысла, сколько обстоятельств возникновения и пути к читателю.

***

Чтобы не повторять Предисловие самого В. М. Мисюгина к книге «Три брата» (или — «Право трех братьев», или — «Историческое право трех братьев», или — «Архаическое право братьев», как по-разному, в рабочем порядке, именовалась эта книга), а равно и вводный текст Н. М. Гиренко, постараюсь обратить внимание на те общие моменты концепции автора, которые связаны с представлением о движущих силах истории. Это одновременно — и цивилизационный, и формационный процессы, в которых люди пребывают от самых начал социогенеза. Изначально, при обсуждении порядка подготовки рукописи к изданию между мною и Н. М. Гиренко именно так и было согласовано распределение задач. Да и в самом Предисловии В. М. Мисюгина к своей книге достаточно сжато и очевидно изложено его видение исторического процесса — в простых и понятных фразах, выстроенных во внутренне глубоко мотивированный ряд умозаключений.

В этом отношении важно отметить, что, как и все основные представители «Ленинградской школы африканистики», В. М. Мисюгин весьма строго придерживался историко-материалистического взгляда на исторический процесс. Он ни в коем случае не проявлял себя сторонником простейшего «экономического детерминизма». Но он рассматривал исторический процесс как процесс природный, естественный, прежде всего, в начальных, первичных формах человеческого бытия вплоть до окончательного утверждения товарно-денежных отношений в условиях капиталистической системы и промышленного производства. Можно говорить, что В. М. Мисюгину была свойственна идея природного детерминизма для

всех обществ доиндустриального типа, живущих, в первую очередь, своеобразной «природной рентой», т. е. в условиях, когда сферой приложения труда и источником средств к существованию выступает природное окружение. Соответственно, благополучное состояние этой среды выступает императивной предпосылкой и условием выживания самих людей. Может быть, именно поэтому он считал одной из базовых для африканистов, для адекватного восприятия ими природных и культурных реалий изучаемых ими обществ вышедшую в 1954 году на русском языке книгу Ж.-П. Гарруа «Африка — умирающая земля». Рекомендую эту книгу, В. М. Мисюгин непременно подчеркивал неточность, если не ошибочность, перевода ее названия. С его точки зрения, более верно по существу проблемы и текста Ж.-П. Гарруа было бы предложить ее русскоязычному читателю как «Африка: умирание почв». И в этой, казалось бы, незначительной детали как в фокусе отражена историческая концепция В. М. Мисюгина. Ибо основные проблемы Африки, ее видимое «отставание» от динамических общественных процессов Европы и Азии, от цивилизационного и формационного «восхождения» и «прогресса» заключены отнюдь не в расовых особенностях африканцев. Первопричина видимой стагнации африканских обществ заключена в том, что под влиянием глобальных процессов изменения климата, высыхания Сахары, а также человеческой деятельности по собственному жизнеобеспечению в экваториальной и субэкваториальной зонах земная кора африканской континентальной платформы приводит к ускоренной деградации почв. Имеющееся на каждый конкретный момент, равный человеческой жизни, равновесие находится под постоянной угрозой обернуться полной экологической катастрофой в случае нарушения устойчивых форм поддержания видимого относительного баланса.

В развитие этих взглядов, думаю, было бы правильно утверждать неизбежность прихода В.М. Мисюгина к формулировке основной типологической динамики исторического процесса в соответствии с главными стратегиями отношений людей и природной среды. Таковыми исторически и типологически выраженными этапами были:

- 1) первичный природообмен;
- 2) первичное природопользование;
- 3) вторичное природопользование;
- 4) вторичный природообмен.

«Первичный природообмен» соответствует архаическому типу стратегии жизнеобеспечения, включенности людей в систему Природы, видимости обменных, паритетных отношений с нею. Это выражается в ограниченном потреблении, а также в обязательности «возврата» Природе взятого у нее — пусть, с нашей точки зрения, в «ритуальной», символической форме. «Первичное природопользование», в полном соответствии взглядам В. М. Мисюгина, отражает долгий этап перехода от первичных ко вторич-

ным формам обеспечения жизни общества. Это этап, складывающийся как результат второго общественного разделения труда, выделения ремесел и, как следствие — роста производительности труда и появления накоплений. На этом этапе формируется потребительское отношение к Природе, формулируются соответствующие сначала мифологические, а затем и религиозные системы, происходит имущественное и социальное расслоение, возникают товары, торговля, деньги, города, письменность и прочие атрибуты Цивилизации. «Вторичное природопользование» — это «развитая» фаза Цивилизации. Это — эпоха доминирования капитала как цели производства. Это — индустриальное общество. Это — разлад, дисгармония с природными началами жизни. Гипотетически, если исходить из императива сохранения человеческого вида, эта фаза должна смениться «вторичным природообменом», стратегией жизнеобеспечения на основе осознанной, а не стихийной (как в Архаике) сбалансированности отношений общества и Природы. Эта новая равновесность с Природой должна опираться на накопленные знания о мире, на новые, соответствующие этому знанию орудия труда и технологии производства, на принципы рационального потребления, исходящего из разумной достаточности, а не престижа и закрепления неравенства.

Впрочем, сам В. М. Мисюгин по складу ума был не слишком склонен к дефинициям и к общим схемам. Они присутствовали у него, как уже сказано, скорее в имплицитной форме. Хотя по целому ряду поводов — как, например, логика ротации возрастных классов, системы родственных связей, движение правовых статусов — он охотно прибегал к схемам и таблицам. Да и основные ценностные установки, лежащие в основе его концепции, он без особых проблем мог бы определить. Но, возможно, именно из-за нереализованности этой возможности его взгляды остаются концепцией, а не теорией.

Однако изложенная мной типология стратегий природо-культурных взаимодействий требует некоторых дополнительных пояснений. В частности, то, что, на мой взгляд, она достаточно адекватно отражает сущностную сторону творческого метода В. М. Мисюгина. Но при этом необходимо оговорить, что В. М. не слишком «жаловал» линейные, двумерные модели. Ему было свойственно «объемное» видение, в какой-то степени, эллипсная, ротационная модель познавательного процесса. Он любил брать конкретный феномен действительности, признаваемый ее «фактом», и вскрывать последовательно всю совокупную информационную базу контекста данного «факта», а также способа его извлечения и перемещения в контекст науки. Это очень хорошо видно на примере авторского Предисловия к книге «Три брата». Читателю, привычному к простым причинно-следственным построениям, к ясным и очевидным процедурам движения от постулатов и посылок к выводам, такая форма изложения,

похожая на движение червя в плоти яблока, может показаться вычурной, неорганизованной, бездоказательной. Однако, как мне представляется, именно за таким познавательным методом — будущее. Это и есть практический пример синтеза, творческого взаимодействия рациональной и образной систем отражения. В свое время, В. М. Мисюгин поражал на лекциях пытливых студентов примером источниковедческого анализа «Арушской декларации», «социалистической» по направленности программы партии ТАНУ, читая ее слово за словом, оборот за оборотом на суахили. Такой методичный и скрупулезный анализ показывал, казалось бы, «крамольную» по тем временам мысль, что ни о каком «социализме», а тем более «научном социализме» в Танзании речь не идет. За красивыми фразами скрывается ментальность «неообщинной» идеологии, чем-то напоминающей идеи российских народовольцев.

Однако следует подчеркнуть, что В. М. Мисюгин ни коим образом не был антикоммунистом или идеологическим противником СССР. Напротив, он настолько глубоко проникся идеями и исторического материализма и научного социализма, что не только более или менее опосредованно отображал их в своих исследованиях по Первобытности, по генезису классов и государства, но и перешел на качественно новый уровень их понимания и формулирования. А это, с неизбежностью, приводило его к конфликту с официальной наукой и с управленцами. Пожалуй, только административное прикрытие и научная толерантность со стороны Д. А. Ольдерогге, а также внешняя отчужденность, отстраненность самого В. М. Мисюгина от практической публичной жизни обеспечивали ему относительный иммунитет. Причем, так сложилось во многом само по себе. А сам он осознанно и не искал такого пути, — как, впрочем, и не искал публичности, жарких споров и столкновений мнений. У него была своя «правда». И он удалился вместе с нею в Мартышкино, превратившись в «мартышкинского затворника» почти сразу после смерти Д. А. Ольдерогге.

Его «глубинное зрение» как раз и можно воспринимать как воплощенное проявление всецелостности, всеединства и всесвязности мира. По сути, это и есть имплицитно воспринимаемая людьми Архаики картина мира. Но она доведена им до вербализованного, осмысленного, близкого к идентичному воспроизведению средствами науки и в системе науки. И в этом, я мог бы сказать, научный подвиг и революционный переворот, совершенный В.М. Мисюгиным, по крайней мере, в связи с изучением Африки.

Снимая слои искажений с образа Африки, образа Архаики, в том числе и европейской, в ее античном или раннесредневековом воплощении, В. М. Мисюгин сумел преодолеть практически всеобщий европоцентризм и своих предшественников, и своих современников. Есть целый ряд, казалось бы, незыблемых явлений, обозначаемых устойчивыми в использовании и интерпретации понятиями. Он осознал сам и показал в своих трудах,

что «индивид» есть исторически поздний феномен культуры и социальной практики, наиболее релевантный капиталистическому обществу. А, следовательно, и любая система общественного устройства, опирающаяся на феномен «индивида», на его мотивации в самореализации — ложна. Это — один из общественных мифов современного общества, равно как и теории З. Фрейда, структурализм К. Леви-Стросса и т.п. На все эти проявления «гласа бледнолицего», как В. М. обозначал не критический лепет начинающих и уже состоявшихся коллег, погрязших в реферировании и переписывании работ западных авторов, можно привести финальную фразу инициационной песни бамбара: «Земля самая зрелая, земля самая мудрая!» Это — почти такой же бесспорный аргумент, как и ответы стариков-хранителей традиционного знания на вопросы «почему?» еще не готовых ответить самостоятельно профанов: «Да, это — так!» Вот и весь ответ! В том числе и потому, что у африканцев, у людей Архаики — иная парадигма причинности. Точно также как нерелевантно для этой картины мира понятие «время». А в это крайне трудно поверить. Как и в то, что система понятий и структурирования мира у африканцев не имеет ничего общего с моделью бинарных оппозиций. Еще труднее поверить европейцу, обывателю или ученому, что понятие «собственность» не адекватно закономерностям перемещения и оборота ценностей, а феномен такого оборота в реальной практике не соответствует юридической и социальной составляющим внешне аналогичных явлений в европейской хозяйственной и общественной системах.

Именно так юридическая норма со всей очевидностью предстала для В. М. Мисюгина как нерелевантный для доцивилизационного этапа человеческой истории и гипертрофированный, по аналогии обстоятельств, действий и процедур, аспект общественных отношений. Он самостоятельно и для многих коллег впервые и даже с неожиданностью для себя и неготовностью осознать заявил об этом несоответствии. Так он убедился, что в работах первых этнографов, чаще всего — юристов по образованию и сфере начальной профессиональной деятельности, этот аспект оборота базовых для европейцев явлений «собственности» и «власти» оказывался проявлением фактической и необоснованной экстраполяции норм обществ европейской культуры или внеевропейских обществ цивилизационного уровня эволюции на общества, пребывающие в архаическом состоянии.

По этому поводу в представляемой читателю работе конкретно читаем: «...Морган услышал легенды об ушедшей в далекое прошлое жизни ирокезских племен, легенды, быть может, претерпевшие значительную перестройку под влиянием характера жизни и отношений соседей-европейцев, людей обладающих властью и многими недоступными культурными ценностями и многими недоступными возможностями, с которыми, хотя бы, в легендах, в прошлом, хотелось сравниться. Морган не мог понять, что

внутренние взаимоотношения глубоко разрушенного общества ирокезов (да и всех аборигенов Америки) объективно должны быть аналогичными таковым у постепенно пришедших к классовому состоянию обществ античного мира. Но он заметил и различие — сохранившаяся у ирокезов родственная терминология не индивидуальна, каждый термин обозначает группу людей...».

Может быть, это последнее в приведенной цитате высказывание и выступает, как раз, квинтэссенцией всего новаторского действия В. М. Мисюгина в сфере изучения Архаики. Именно таковым и следовало бы, как мне представляется на основе знакомства с творчеством В. М. Мисюгина, признать его сложившееся постепенно и уже упомянутое убеждение, что в Архаике, да и на ранних этапах Цивилизации, нет «индивидов» в качестве главных «действующих фигур», как можно было бы сказать, «субъектов общественного процесса». Эта роль осуществляется только устойчивыми «группами» людей, социальными подразделениями, коллективами, и только через них — составляющими их людьми. И, хотя в устных и письменных источниках, включая фольклор в различных его проявлениях — от мифов и эпоса до лирических жанров, — в хрониках и ранних страноведческих описаниях регулярно встречаются упоминания конкретных лиц, реальное их положение в свидетельствуемых обстоятельствах весьма далеко от прямого соответствия нашему обычному пониманию текстов. Возможно, это были в основе реальные люди. Однако от них в Будущее попало только имя и отношение к себе подобным «именам» (или их возможным носителям). Социально, статусно это не были «лица», «индивиды», самоценные и самодостаточные, вольные в принятии своих решений и полномочные в доведении их до исполнения. В действительности это были «группы», обозначенные их именами — эпонимами. Таким образом, и вся Архаика, и ранние формы Цивилизации являют лишь отношения групп, ошибочно, по инерции стереотипов собственной культуры воспринимаемых нами по обозначающему их имени кажущегося нам реальным лицом персонажа. В.М. Мисюгин достаточно ярко показывает это и на примерах Восточной Африки, и разбором властных коллизий у викингов, и в Древнем Риме. А именно ему, Риму, наша Цивилизация обязана правовыми нормами, упуская при этом из виду, что социально-культурный контекст этих правовых отношений весьма кардинально изменился за время эволюции Европы от «республиканских» обычаев римского общества до наших дней.

Да и само «право», если следовать той же логике, есть один из химерических конструкторов Цивилизации. Жизнь в Природе не нуждается в правовом регулировании, хотя бы потому, что действует императив прецедента — единственно возможной для сохранения природных балансов формы человеческого поведения. И люди в этой фазе истории не столько взвешивают «за» и «против», ища рациональное объяснение той или иной колли-

зии, сколько «сверяют» свои ощущения балансов, справедливости, общей и всеобщей комфортности. Этаким «маятник исторического вневремени»!

Беда современной науки — и в том, что она, как правило, живет «научными фантомами», по выражению самого В. М., экстраполяцией, причем часто неосознанной, собственного органичного, привычного и очевидного, принимаемого в качестве общечеловеческой универсалии на изучаемые культуры, в то время как это «свое» чуждо этим другим культурам. В. М. Мисюгин отразил эту позицию в своей статье «О «бумеранге» в этнографических и исторических исследованиях (из лекций по этносоциальной истории)» (Africaana. Африканский этнографический сборник, XV. Л., 1991). Мне представляется, что ее присутствие в данном издании существенно дополнило бы научную картину автора «Трех братьев», привнесло бы большую ясность в применяемый им метод, в восприятии мало знакомого с его творчеством читателя. Но, повторяю, В. М. Мисюгин, в качестве своего прощального и итогового сочинения, представил то, что сейчас перед глазами. А роль методологического ориентира во многом перенесена на одну из глав этой книги — «Мифы и этносоциальная история».

Приглашая в мир Архаики, представленный в своей глубине и внутренней согласованности, мир перехода к классической культуре современного общества Европы, с его узнаваемыми именами и образами, с его романтическим ореолом, я хочу еще раз отметить неопределимый вклад Вячеслава Михайловича Мисюгина в понимание и понимаемость этого мира. Это — во многом новый образ прошлого. Но это — и новая, вполне осязаемая, по-своему материалистичная идеология истории, идеология самих принципов человеческого бытия. А посему — и новый ориентир в будущее людей Земли, Земли человеческой и человеческой. Одной из важных составляющих этой «идеологии истории», на мой взгляд, выступает ее параметр устойчивости, сохранения форм, сохранения сущностной определенности при видимости перемен, видимости необратимости времени, при неизбежности возврата к незыблемым базовым ценностям, из которых главной является Жизнь, императив ее продолжения.